

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.47
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные этапы процесса реновации социокультурных констант общественного развития на основе опыта актуализации идеи социальной солидарности, накопленного в Белгородской области в ходе разработки и реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы». Обосновано, что социокультурные константы представляют собой однозначно установленные на основе общественной конвенции, не подверженные сомнению последователями, комплексы идей ценностно-нормативного характера, определяющие поведение людей во взаимоотношениях с окружающими. Реновация определена как процесс актуализации социокультурного феномена в общественном сознании и последующее превращение его в фактор, влияющий на поведение больших социальных групп. Показано, что в структурном отношении реновация любого социокультурного феномена включает в себя несколько процедур: идентификацию объекта реновации; содержательную интерпретацию социокультурной константы; мультипликацию социокультурной константы; конвертацию константы в поведенческие модели населения. Сделан вывод о том, что главным критерием выбора объекта реновации должна быть функциональность, выражающаяся в способности константы «работать» на решение задачи преодоления процесса социальной дизъюнкции и обеспечения воспроизводства регионального сообщества.

Ключевые слова: регион, социальная нестабильность, хаос, риски, социальная реальность, социальная дизъюнкция, солидарность.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2020. Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 437–446. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Renovation of social solidarity idea: experience of the Belgorod region

Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main stages of renovation process socio-cultural constants based on the experience, accumulated in the Belgorod region during the development and

implementation of the Strategy "Formation of a regional solidarity society for 2011-2025". Research methodology: the article is based on the theory of social risks, according to which risk is increasingly becoming a leveling norm of daily existence in an unstable social environment, as well as the theory of social anomie (a state expressed in the value instability of society). Results: it is proved that socio-cultural constants are unambiguously established on the basis of public convention, which are not questioned by followers, complexes of value-normative ideas that determine people behavior in relationships with others. It is noted that value patterns, social norms, sign systems, and behavioral models can be considered as sociocultural constants. Renovation is defined as the process of a socio-cultural phenomenon actualization in society and its subsequent transformation into a factor that affects the behavior of large social groups. It is argued that in structural terms, the renovation of any socio-cultural phenomenon includes several procedures: identification of renovation object (selection from the total mass of constants that make up the content of the regional cultural and historical tradition); meaningful interpretation of the socio-cultural constant (determination of the essence of the "renovated" object, its interpretation in the context of modern ideas); multiplication of a socio-cultural constant (formulation of a set of values whose content correlates with the constant and together with which it can represent a single value-semantic complex); conversion of the constant into behavioral models of the population. The conclusion is formulated that the main criterion for selecting of renovation object should be functionality, which is expressed in the ability to solve the problem of overcoming the process of social disjunction and ensuring the reproduction of the regional community.

Keywords: region, social instability, chaos, risks, social reality, social disjunction, solidarity.

Acknowledgements: the article was prepared with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project "Renovation of socio-cultural constants as a factor of reproduction and development of regional communities" (no. 20-011-00482).

For citation: Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. 2020. Renovation of social solidarity idea: experience of the Belgorod region. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 437–446 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Современное общество характеризуется высоким уровнем социальной нестабильности, что дает исследователям весомые основания характеризовать его состояние как «общество риска» [Бек, 2000], «смута» [Смакотина, 2009], «турбулентный хаос» [Пригожин, Стенгерс, 1986], «социальная дизъюнкция» [Ковригина, 2015]. Развитие такого общества зачастую резко меняется под влиянием факторов, кажущихся, на первый взгляд, случайными, непрогнозируемыми, но впоследствии («задним числом») получающие свое логическое обоснование (в интерпретации Н. Талеба – «черных лебедей» [Талеб, 2009]). Одним из таких факторов, в частности, стала пандемия коронавируса.

Нестабильному социуму присуща непрочность общественных связей, что делает проблематичным его воспроизводство и самосохранение, особенно в контексте многочисленных техногенных и социогенных угроз. Ощущение их неустойчивости, зыбкости существенно снижает уровень доверия, сокращает возможности формирования и наращивания социального капитала, представляющего собой важнейший ресурс личностного и социально-группового развития, не позволяя объединиться для решения общественно-значимых проблем. Нормой жизни становится социальная дизъюнкция, которая выражается в ситуации «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [Кармадонов, 2015, с. 11].

Положение усугубляется тем, что в обществе всегда находятся силы, пытающиеся использовать дизъюнктивные процессы в своих корпоративных интересах, применяя для этого как открытые, так и скрытые (манипулятивные) методы воздействия. Более или менее отчетливое представление о применяемых ими практиках, которое в некоторых случаях может принимать форму конспирологической мифологии, дополнительно стимулирует

у граждан ощущение неуверенности в своем референтном окружении, инициирует появление массовых страхов, перерастающих в ксенофобию и агрессию.

Вполне естественной реакцией на социальную нестабильность являются попытки найти в размывающейся социальной реальности хотя бы какие-то устойчивые социокультурные ориентиры, позволяющие людям выстраивать конструктивные стратегии коммуникации, в основе которых лежат не ситуативные прагматические, а долгосрочные интересы, коррелирующие (или, по меньшей мере, откровенно не противоречащие) отечественной культурно-исторической традиции. Эти ориентиры допустимо определить как социокультурные константы, представляющие собой однозначно установленные на основе общественной конвенции, не подвергаемые сомнению последователями, комплексы идей ценностно-нормативного характера, определяющие поведение людей во взаимоотношениях с окружающими. В качестве социокультурных констант могут выступать ценностные паттерны, социальные нормы, знаковые системы, поведенческие модели.

Такие поиски чаще всего осуществляются индивидуально и находят свое воплощение либо в «уходе в религию», либо, что особенно характерно для последних лет, в конструировании виртуальных сетевых сообществ. В отношении последних М. Кастельс пишет: «Это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» [Кастельс, 2004, с. 152].

Однако эти индивидуально-личностные варианты поиска социокультурных констант не могут быть распространены на большие группы людей и, тем более, на административно-территориальные формирования, к которым в России относятся субъекты федерации и муниципальные образования. Между тем они не в меньшей мере, чем личность, нуждаются в определении добровольно установленных на основе согласия большинства граждан, принадлежащих к локальному сообществу, представлений о должном поведении в неустойчивой социальной реальности, хотя бы уже потому, что только при их наличии можно рассчитывать на взаимную лояльность сограждан, которая согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом "обоснованный" призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [Парсонс, 1998, с. 26].

Не менее, а возможно, более важно и то, что в своей совокупности социокультурные константы должны формировать образ общества, который отсутствует в современной России [Крупкин, 2010, с. 8] и без которого невозможно сконструировать образ желаемого будущего, или, как иногда принято говорить, «русской (русской) мечты».

Представляется довольно проблематичным, что востребованные социокультурные константы могут быть найдены в рамках идейного пространства, которое является продуктом глобализирующегося общества, поскольку это общество принципиально несовместимо с идеей определенности бытия и сознания, апеллируя к постмодернистской концепции реальности. «По мнению постмодернистов, все, в буквальном смысле этого слова, течет и постоянно изменяется, поэтому однозначность, монизм и статика для них неприемлемы, а определение понятий непродуктивно» [Барков, 2019, с. 46]. Поиск социокультурных констант общественного развития в рассматриваемом контексте представляется своеобразной ревизией общего тренда духовной эволюции так называемого «постиндустриального общества», которая не всегда непосредственно, чаще всего косвенно, определяет и процессы в современной России.

В этих условиях наиболее приемлемым вариантом решения проблемы видится реновация некоторых традиционных идейных конструктов, которые играли значительную роль в отечественной истории и могут быть востребованы в настоящее время. Под реновацией мы в данном случае понимаем актуализацию социокультурного феномена в общественном и последующее превращение его в фактор, влияющий на поведение больших социальных групп. Пределы этого влияния определяются масштабами локации, в которой

инициирован реновационный процесс. Поскольку в данной статье проблема рассматривается применительно к региону, под которым понимается любой субъект Российской Федерации, речь должна идти о поддержке большей части регионального сообщества, включающего как региональную элиту, так и основную массу населения.

Настоящее исследование обобщает опыт реновации идеи социальной солидарности, накопленный в Белгородской области. В ходе этого процесса в регионе была принята и осуществляется Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» [Стратегия, 2011].

На основе обобщения опыта можно утверждать, что в структурном отношении реновация любого социокультурного феномена включает в себя несколько процедур.

1. Идентификация объекта реновации. Решение данной задачи связано с довольно непростым выбором из общей массы констант, составляющих содержание региональной культурно-исторической традиции, в которой всегда присутствуют различные, нередко взаимоисключающие элементы. Вполне понятно, что практикуемые в современной России преимущественно авторитарные модели регионального управления, более или менее адекватно воспроизводящие федеральную систему, замыкают решение проблемы выбора на «первое лицо». В Белгородской области этот выбор был сделан Губернатором региона Е. Савченко. Еще 2009 году в ежегодном отчёте о социально-экономическом развитии области он подчеркнул, что «на смену рыночной, конкурентной модели экономических отношений идёт новая, у которой должно быть справедливое, нравственное содержание и у которой будет не только цель – получение прибыли, но и миссия – благополучие работника, трудового коллектива, территории, природы. А ускорить приход новой модели может только активное, сплоченное, целеустремленное общество – солидарное общество» [Савченко, 2009]. В дальнейшем он не раз обращался к этой мысли, подтверждая, в частности, свой выбор ссылками на тезис Н. Федорова о необходимости «жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех».

Сделанный Губернатором выбор оказался довольно удачным. Однако такой вариант идентификации объекта в принципе включает в себе значительный риск ошибочного решения, мотивированного субъективными предпочтениями руководителя, который, как правило, имеет весьма упрощенное представление о культурно-историческом процессе, привык ориентироваться на федеральные инициативы, а в случае их отсутствия, как это и имеет место в отношении реновационных проектов, подвержен влиянию случайных факторов. Минимизацию риска мы связываем с привлечением к процессу выбора экспертного сообщества. Однако далеко не во всех регионах оно обладает необходимым для подготовки квалифицированных рекомендаций потенциалом. К тому же в ряде субъектов РФ власти испытывают определенный скепсис в отношении «местных» экспертов, предпочитая обращаться к столичным авторитетам, немалое количество которых гастролирует в российских провинциях, предлагая себя в качестве подрядчиков при выполнении управленческих проектов. Но недостаток подобной практики заключается в том, что столичные специалисты, как и специалисты из других регионов, обычно плохо знают местную специфику и могут предлагать лишь некие универсальные решения, часто слабо сопряженные с реальностью.

В ходе выбора с неизбежностью возникнет вопрос о его критериях. Очевидно, что главным из них должна быть функциональность, выражающаяся в способности константы «работать» на решение задачи преодоления процесса социальной дизъюнкции и обеспечения воспроизводства регионального сообщества. Кроме того, социокультурная константа должна быть востребованной в конкретной общественно-политической ситуации. Образно говоря, реновируемая идея должна буквально «витать в воздухе». Именно этим отличалась идея солидарности. Примечательно, что Президент РФ в ежегодных посланиях Федеральному собранию с 2000 по 2008 и с 2012 по 2015 годы неоднократно подчеркивал важность и необходимость процесса консолидации общества [Захарова, 2016]. Востребованность соли-

дарности неоднократно отмечал Патриарх Кирилл, который, в частности, говорил следующее: «И сегодня, как и 400 лет назад, идеи солидарности и заботы об общем, а не только о частном, могут и призваны стать скрепой нашего общества. Каким финансовым капиталом ни обладал бы человек, какие высокие позиции ни занимал бы – он не будет полноценно счастлив без служения ближним. Чем больше людей будет ощущать общественный смысл, социальную пользу совершаемого дела, тем крепче будет общество, тем меньше будут расстояния между разными социальными слоями» [Патриарх Кирилл, 2012].

Таким образом, белгородский выбор исключительно удачно вписался в контекст общественного дискурса. Однако представляется, что соответствие социокультурной константы актуальным тенденциям развития региона и страны в целом является далеко не единственным критерием выбора. Кроме этого, она должна быть адекватной историко-культурному контексту, соотносясь тем самым с некоторыми архетипами массового сознания и укладываясь в рамки, заданные региональными мифологемами, без которых не функционирует ни одно региональное сообщество. В Белгородской области эти архетипы и мифологемы концентрируются вокруг идеи региона как исторического фронта во взаимодействии с инородным, зачастую враждебным окружением, требующим мобилизации всех видов ресурсов, прежде всего ресурсов человеческих. Такая мобилизация особенно востребована в кризисные периоды, которые в различные исторические эпохи переживала область. Этот концепт системно воспроизводится в представлении о регионе как одном из важнейших элементов «засечной черты», представляющей довольно надежный заслон от набегов кочевников, в символизации Прохоровского поля как третьего ратного поля России, оказавшего решающее влияние на ход Великой Отечественной войны. Сегодня приграничный белгородский регион воспринимается как своего рода форпост в отношениях с Украиной, политика элиты которой в данном контексте рассматривается как проявление потенциальной агрессии, фундируемой маргинальными мифологемами относительно территориальных претензий в отношении ряда российских областей.

Идея солидарности и консолидации в таком ракурсе рассматривается в качестве символического подтверждения постановки и решения традиционной региональной задачи защиты Отечества, к которой не может оставаться равнодушными большинство белгородцев, в чьей исторической памяти сформировалось представление о героическом прошлом. Консолидация при таком подходе рассматривается как естественный процесс возрождения и продолжения этой традиции.

Безусловно, специфика региональных культурно-исторических традиций будет существенно влиять на выбор реновируемых социокультурных констант в каждом конкретном субъекте Российской Федерации.

2. Содержательная интерпретация социокультурной константы, которая в еще большей степени, чем первая процедура, требует профессионального подхода. Смысл ее заключается в определении существа «реновируемого» объекта, его истолковании в контексте современных представлений. Интерпретация должна быть предельно строгой и ясной, поскольку в условиях плюрализма мнений, отражающих различные социальные интересы, представляющие их группы будут пытаться вложить в предлагаемые понятия свое содержание.

Решением этой проблемы белгородцам пришлось непосредственно и довольно долго заниматься в процессе реновации идеи солидарности, поскольку в ходе ее длительной разработки в истории социальной мысли [Аносов, 2019] сложились самые различные трактовки содержания данного феномена. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что механическое воспроизведение ни одной из них оказалось практически невозможным в силу ряда обстоятельств. Некоторые концепции были слишком отвлеченными от реальной жизни, наполненными абстрактными понятиями, которые вряд ли могли быть восприняты сознанием современного прагматично мыслящего россиянина. Характерно в данном контексте рассуждение О. Конта: «Каждая семья в первую очередь должна надлежащим обра-

зом выполнить общую задачу, возложенную на нее Великим Организмом, членом которой она является. Но для этого ей необходимо постоянно опираться на чувство той общей Гармонии, в которую она привносит свою ноту. Таким образом, каждый истинный гражданин проникается чувством порядка и становится ревностным и искренним, чтобы заслужить уважение со стороны других» [Comte, 1875, p. 244].

Другие концепции не учитывали социально-исторический опыт России, особенно накопленный в последние десятилетия, характеризовавшиеся тотальным разрушением коллективистских ценностей. На этом фоне утопичными выглядели требования Э. Дюркгейма осуществлять социальную конъюнкцию именно на их основе.

С учетом многих обстоятельств был сделан вывод о необходимости ограниченной интерпретации солидарного общества как общества, в котором налажены доверительные коммуникации между людьми: солидарное общество – общество, в котором нормой отношений между людьми являются взаимное доверие и ответственность, стремление по-соседски (по-доброму) решать житейские проблемы и готовность добровольно и бескорыстно поддерживать друг друга в трудных жизненных ситуациях. В свою очередь, консолидацию предлагалось рассматривать как процесс создания условий для взаимопонимания, системного диалога и взаимодействия между акторами регионального пространства в решении общих проблем. В данном контексте она приобретает два «измерения». В «вертикальном» плане – это выстраивание властно-общественных коммуникаций; в «горизонтальном» – налаживание межличностных и межгрупповых отношений. При этом обе задачи (вопреки часто встречающемуся заблуждению относительно того, что наиболее значимые барьеры возникают лишь при налаживании «вертикального» взаимодействия) являются исключительно сложными. Безусловно, властно-общественный диалог, реализующийся в публичной сфере, порождает комплекс проблем, затрагивающих практически каждого жителя региона. Эти проблемы обусловлены взаимным отчуждением власти и того, что принято называть гражданским обществом, одним из следствий которого является недоверие между контрагентами. Однако не менее значимые проблемы возникают и в сфере приватного взаимодействия. Они связаны с равнодушием граждан в отношении друг друга, лицемерием, отказом в сочувствии и поддержке. Одним из следствий распространения этих феноменов являются открытые и латентные социальные конфликты на уровне микросреды.

Безусловно, идея сведения консолидации к налаживанию эффективных коммуникаций разделяется далеко не всеми участниками реновационного процесса, но его несомненным достоинством является реалистичность.

3. Мультипликация социокультурной константы. Под мультипликацией (от лат. *multiplicatio* – увеличение, умножение, размножение) мы понимаем формулировку комплекса ценностей, содержание которых коррелирует с константой, и в совокупности с которыми она может представлять собой единый ценностно-смысловой комплекс. Необходимость этого процесса определяется соображениями практического характера. Они заключаются в том, что содержание социокультурной константы, которая как правило представляет сложную смысловую конструкцию, целесообразно «раскассировать» в виде более простых формулировок, доступных для восприятия максимально широкого круга субъектов. Это должны быть достаточно понятные, близкие их мировосприятию ценности, принятие которых облегчает утверждение социокультурной константы в качестве ключевой идеи. Предполагается, что интериоризация данных ценностей будет представлять процесс своеобразного «восхождения» к освоению (усвоению) ее содержания.

Существенно и то, что в виде завершенной дефиниции константа может не восприниматься представителями отдельных статусных групп. Связанные с ней ценности (ценности-сателлиты) способны примирять их с выбором реноваторов.

Вполне понятно, что подбор ценностей-сателлитов не может быть произвольным. Они должны отвечать ряду критериев:

- соответствие содержанию социокультурной константы (по меньшей мере, допустимость такого соответствия может быть доказана в логически непротиворечивых конструкциях);
- органичность локальным (региональным) культурно-историческим традициям, наличие с ними символической связи;
- совместимость с социальными реалиями (ценности не должны казаться абсолютно противоречащими образу жизни и мыслей современников, несмотря на то, что в повседневной жизни им не всегда «пока» следует большинство населения);
- ограниченное количество (ценностей не может быть предложено слишком много, что с неизбежностью ведет к «расфокусировке» сознания, смещению его с константы на частности).

Одной из проблем реновации идеи социальной солидарности в Белгородской области стало то, что структура ценностей-сателлитов не была четко проработана. В связи с реализацией Стратегии много говорилось о духовности, социальной справедливости, доверии, лояльности. Но остались открытыми как минимум два вопроса: 1) насколько их интериоризация возможна в современном обществе; 2) какие статусные группы способны стать их носителями? Отсутствие ясных ответов на эти вопросы сделало в значительной мере проблематичной популяризацию Стратегии. Так, мониторинг «Роза качества» (он направлен на оценку качества регионального управления и проводится ежегодно), в 2018 году ($n = 8000$), показал, в частности, что «о реализации Стратегии формирования солидарного общества слышали лишь 28,5 % белгородцев. И, хотя 57,5 % считают его реализацию успешной, только 42,8 % представляют, что такое солидарное общество» [Бабинцев, 2019, с. 610].

То, что после семи лет реализации стратегии консолидации регионального сообщества только менее половины граждан имеют ясное представление о солидарном обществе, обусловлено, на наш взгляд, тремя главными причинами, которые, скорее всего, будут проявляться при реновации практически любой социокультурной константы. Во-первых, ориентированное на решение преимущественно прагматических задач общественное сознание оказывает вполне естественное сопротивление любым попыткам внесения в публичный дискурс вопросов, выходящих за пределы утилитарных практик. Во-вторых, как уже отмечалось выше, инициатива реновации идеи солидарности исходила от власти, но общество довольно недоверчиво воспринимает властные новации (в данной связи представляется важным, чтобы инициатива реновации любой социокультурной константы формулировалась при участии пользующихся авторитетом у населения общественных объединений, определенную роль здесь могут сыграть религиозные организации). В-третьих, чиновники, в чьи функции входила задача мультипликации константы, сами не были убеждены в необходимости решения данной задачи и относились к ее решению формально, что типично для бюрократического сознания и административно-бюрократических практик. Белгородский опыт дает основание утверждать, что чрезмерная формализация и имитация реновационного процесса, прежде всего (но не только) административно-бюрократическими структурами создают наиболее существенные риски недостижения запланированных результатов.

4. Конвертация константы в поведенческие модели населения. Любая реновируемая социокультурная константа приобретает реальную значимость тогда, когда она начинает определять мышление и поведение граждан. Однако, как показал белгородский опыт, добиться этого исключительно сложно в силу как объективных, так и субъективных причин. Очевидно, что, решая задачу выстраивания поведения больших групп населения с ориентацией на социокультурные константы, мы возвращаемся к идее утверждения ценностно-рационального (по М. Веберу) типа социального действия. Однако современное

общество (общество потребления) ориентировано на использование целерациональной модели, что особенно характерно для молодежи [Чупров и др., 2014, с. 52].

При доминировании этого типа действия значение социокультурных констант заметно нивелируется. Они приобретают чисто символическое, декларативное значение, что, собственно, и подтвердила практика Белгородской области. В ходе реновации идеи солидарности о своей приверженности ей заявляли очень многие представители регионального сообщества, особенно относящие себя к элите. Формула «солидарное общество» для части из них стала показателем соответствия новым трендам развития, свидетельством лояльности власти. Однако это мало что меняло в отношении социальных практик на макроуровне.

Тем не менее, на уровне микрогрупп идея солидарности нашла свое воплощение в ряде локаций. Ее приняли как актуальную поведенческую установку члены некоторых ТОСов, представители некоммерческих, в частности, волонтерских организаций [Павлова, 2019], в определенной степени опровергнув мнение многих скептиков о бесперспективности начинания.

Представляется, что это дает основание для следующего заключения: несмотря на всю сложность реновации социокультурных констант на уровне российских регионов, данный процесс имеет перспективы, если он реализуется через систему микросоциальных практик, в том числе (а в будущем, возможно, в основном) посредством включения ресурса социальных сетей. При этом главные барьеры для реновационного процесса возникают, с одной стороны, вследствие его бюрократизации и имитации административно-управленческими структурами, с другой стороны, пассивности населения, воспринимающего реновацию как очередную, мало связанную с реальностью затею региональной элиты, преследующей свои групповые цели.

Список источников

1. Патриарх Кирилл. 2012. Идеи солидарности и заботы об общем призваны стать скрепой нашего общества. URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-idei-solidarnosti-i-zaboty-ob-obshhem-prizvany-stat-skrepoy-nashego-obshhestva/> (дата обращения: 23.03.2020).
2. Савченко Е.С. 2010. Ежегодный отчет о выполнении программ социально-экономического развития Белгородской области за 2009 год. URL: http://op31.ru/pr/publishing/file/zhurnal_no.1_2012_g..pdf (дата обращения: 30.05.2020).
3. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы. Белгород, 2011, 80 с.

Список литературы

1. Аносов С.С. 2019. Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.01. Чита, 206 с.
2. Бабинцев В.П. 2019. Региональная консолидация как социальный проект: возможности реализации (белгородский опыт). В кн.: Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 609–612.
3. Барков С.А. В. Зубков. 2019. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., ИПО «У Никитских ворот», 376 с.
4. Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-Традиция. 384 с.
5. Захарова О.В. 2016. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015). Вестник Института социологии, 17: 29–45.
6. Кармадонов О.А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция. Социологические исследования, 2: 3–12.
7. Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 327 с.
8. Ковригина Г.Д. 2015. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11. Иркутск, 183 с.

9. Ковригина Г.Д. 2018. Теоретические проблемы исследований социальной солидарности. Иркутск, Изд-во ИРНИТУ, 158 с.
10. Крупкин П.Л. 2010. Россия и современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. М., Наука, 568 с.
11. Павлова О.А. 2019. Социальная консолидация как условие и ресурс развития местного самоуправления. Региональные практики социальной консолидации: опыт и перспективы. Белгород, Белгородская областная типография, 4–18.
12. Парсонс Т. 2000. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270 с.
13. Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., Прогресс, 432 с.
14. Смакотина Н.Л. 2009. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., Университет, кн. дом, 241 с.
15. Талей Н.Н. 2009. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., Колибри, 528 с.
16. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. 2014. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М., Норма: ИНФРА-М, 352 с.
17. Comte A. 1875. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London, Longmans, Green, And Co. 428. URL: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (дата обращения: 11.02.2020).

References

1. Anosov S.S. 2019. Konsolidatsiia kak sotsial'nyi fenomen: sotsial'no-filosofskii analiz [Consolidation as a social phenomenon: socio-philosophical analysis]: dis. ... kand. filos. nauk. 09.00.01. Chita, 206 p.
2. Babintsev V.P. 2019. Regional'naia konsolidatsiia kak sotsial'nyi proekt: vozmozhnosti realizatsii (belgorodskii opyt) [Regional consolidation as a social project: implementation opportunities (Belgorod experience)]. In: Rossiia: Tendentsii i per-spektivy razvitiia. Ezhegodnik. Vyp. 14 / RAN. INION. M., 609–612.
3. Barkov S.A. 2019. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and dialogues about postmodernism and postmodernism]. M., Publ. IPO «U Nikitskikh vorot», 376 p. (In Russian)
4. Beck U. 2000. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk society. On the way to another modern]. M., Publ. Progress-Traditsiia, 384 p.
5. Zakharova O.V. 2016. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiia» v kon'iunktivnom disкурсе rossiiskogo prezidenta (2000-2015) [Strategies for representing the "consolidation" category in the conjunctive discourse of the Russian President (2000–2015)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin Of the Institute of sociology]. 17: 29–45.
6. Karmadonov O.A. 2015. Solidarnost', integratsiia, kon'iunktsiia [Solidarity, integration, conjunction]. Sotsiologicheskie issledovaniia, 2: 3–12.
7. Kastel's M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshleniia ob internete, bizne-se i obshchestve [the Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business, and society]. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriia, 327 p.
8. Kovrigina G.D. 2015. Sotsiokul'turnye resursy sotsial'noi konsolida-tsii rossiiskogo obshchestva [Sociocultural resources of the social consolidation of Russian society]: dis. ... kand. filos. nauk. Irkutsk, 183 p.
9. Kovrigina G.D. 2018. Teoreticheskie problemy issledovaniia sotsial'noi solidarnosti [Theoretical problems of social solidarity research]. Irkutsk, Publ. RNITU, 158 p.
10. Krupkin, P.L. 2010. Rossiia i sovremennost': problemy sovmeshcheniia. Opyt ratsional'nogo osmysleniia [Russia and modernity: problems of combining. Experience of rational understanding]. M., Publ. Nauka. 568 p.
11. Pavlova O.A. 2019. Sotsial'naia konsolidatsiia kak uslovie i resurs razvitiia mestnogo samoupravleniia [Social consolidation as a condition and resource for the development of local self-government]. Regional'nye praktiki sotsial'noi konsolidatsii: opyt i perspektivy. Belgorod, Publ. Belgorodskaiia oblastnaia tipografiia, 4–18.
12. Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [the System of modern societies]. – M., Publ. Aspekt Press, 270 p.

13. Prigozhin I., Stengers I. 1986. Poriadok iz khaosa. Novyi dialog chelove-ka s prirodoi [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. M., Publ. Progress, 432 p.
14. Smakotina N.L. 2009. Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filo-sofskii, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty [Fundamentals of the sociology of instability and risk: Philosophy, sociological and socio-psychological aspects]. M., Publ. Universitet, kn. Dom, 241 p.
15. Taleb N.N. 2009. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. M., Publ. KoLibri. 528 p.
16. Chuprov V.I., Zubok, Iu.A., Romanovich N.A. 2014. Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm for-mirovaniia i vosproizvodstva [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction: monograph]: monografiia. M., Publ. Norma: INFRA-M, 352 p.
17. Comte A. 1875. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. Available at: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (data obrashcheniia: 11.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Galina N. Gaidukova, candidate of Sociology science, associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Zhanna A. Shapoval, candidate of Sociology science, associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia